

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2022 – 2023 учебный год

Заключительный этап

Первый тур

10 класс

Выполните целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР!)

Елена Долгопят

(род. в 1963 г.)

ЧАСЫ

Был вечер. Горели окна, бежали огни машин. Перед крыльцом стеклянного магазина стоял жалкий человек: небритый, грязный, загорелый до черноты, в запахнутом пиджаке на голое тело.

— Мальчик, — остановил он взбежавшего уже на одну ступеньку Сашку. И вынул из внутреннего кармана пиджака сердито стучащие часы с круглым белым циферблатом под выпуклым стеклом.

— Идут, — сказал человек.

— Слышу, — сказал Сашка.

— Могу подарить за деньги.

— Как это?

— Сколько у тебя денег есть?

— На хлеб и сахар.

— Немного, — сказал человек, подумав. И вдруг решился и протянул стучащие часы Сашке. — Ладно. Бери!

— Да мне... — начал было Сашка.

— Ладно, чего там, давай свои деньги.

Он сунул часы Сашке в руки, и растерянный Сашка, прижимая рукой с пакетом большие, тревожно стучащие часы к груди, вынул свободной рукой из кармана деньги.

Схвативший деньги человек мгновенно побежал по улице и скрылся за углом, а Сашка остался с этими облезлыми громкоголосыми часами. Он растерянно опустил их в пакет и с потяжелевшим стрекочущим пакетом спустился со ступеньки на тротуар и побрёл к дому.

Мать смотрела в комнате телевизор, когда Сашка вошёл в прихожую и захлопнул за собой дверь.

— Купил? — крикнула мать из комнаты, и тут же раздался выстрел в телевизоре.

— Да, — сказал Сашка.

— В кухне положи, на столе.

Сашка сел за стол в кухне, выложил на стол часы, пакет повесил на спинку стула.

Часы стучали, бежала секундная стрелка.

— А у меня реклама, — вошла в кухню мать.

Сашка схватил часы, спрятал под стол, на колени.

— Что там у тебя? — спросила мать.

— Ничего.

— А где хлеб?

Молчание.

— Покажи.

Она взяла из его рук часы.

— Откуда этот кошмар?

— Купил.

— Где?

— Возле магазина тип один продал.

— А деньги где взял?

— У меня же были на хлеб.

— Вот как? И что мне теперь с ними делать? Есть, что ли, их вместо хлеба?

— Они время показывают.

— У нас что, часов дома нет? Или эти какое-то другое время показывают? Которое получше будет, чем наше? Иди и возьми часы этому типу, да не забудь про деньги, потому что без денег никто тебе хлеб не продаст, а я тебя за хлебом посылала!

— Мам, да его уж там нет, он убежал сразу!

— И правильно сделал!.. Ладно, не реви. Не реви, пожалуйста. В кухне у нас, и правда, нет часов. Пусть стоят. Только не здесь.

Она встала на цыпочки и водрузила часы на верх шкафчика, где стояли прозрачные цветные бутылки и вазочка.

— Ну вот. Пусть сверху глядят. Видишь, как стучат сердито. Ну, не реви, пойдём кино посмотрим, потом ужинать будем, полбуханки у нас ещё есть, хватит на ужин, ладно. Пойдём.

— Я здесь посижу.

— Да будет тебе, пойдём, там хорошее кино, про сыщиков.

Мать смотрела кино, Сашка сидел в кухне, часы стучали сверху.

Сашка забрался на стул, дотянулся. Снимая часы, он задел вазу, она грохнулась о пол, и Сашка замер на стуле. Но мать не слышала, потому что в это время по телевизору

взорвалась прямо в воздухе рухнувшая с моста машина. Сашка, постояв над осколками, сошёл со стула.

Он тихонечко заглянул в комнату и, увидев, что мать увлечена продолжающейся автомобильной погоней (тормоза выли, выстрелы грохотали, люди визжали), вернулся в кухню.

Собрал в ведро осколки. Сел за стол, взял часы, перевернул и увидел на обратной стороне ключ завода времени и ключ поворота стрелок, которые тут же опробовал; был и третий, неясного назначения ключ, который Сашка сначала хотел повернуть по часовой стрелке, но ключ повернулся только против.

С часами ничего не произошло, но из воздуха, уплотнившегося перед Сашкой, образовался вдруг человек. Вид он имел обыкновенный. Одет человек был в старенькие затрапезные джинсы, стоптанные сандалии на босу ногу, в клетчатую, порядочно выцветшую рубашку. Лицо у него было бледное, вытянутое, лоб казался большим из-за лысины. Указательный палец на правой руке был залеплен пластырем.

Сашка не закричал, не замахал руками, он молча таращился на возникшего. Человек выдвинул табурет из-под стола и сел наискось от Сашки.

— Чего желаете? — сказал он самым обыкновенным, скучным, как у продавца, голосом.

— В смысле? — прошептал Сашка.

— Вы меня вызывали, кажется.

— Как это?

— Ваши часы?

— Ну.

— Ключик вот этот поворачивали?

— Ну.

— Заказывайте.

— Чего?

— Если не надо ничего, то до свидания, — он приподнялся.

— Стойте, — остановил его Сашка. — Давайте... мороженое, что ли. И хлеб чёрный буханку, и сахару кило.

— Нет, уважаемый, — сказал человек, — этого я ничего не могу.

— А чего ж тогда?

— Я могу поправить ваше прошлое. Если вам что-то в вашем прошлом не нравится, могу устранить.

— Да? А вот я вазу разбил недавно, можно это устранить?

Человек закрыл глаза и стал шевелить губами, будто стихотворение припоминал. При этом человек терял плотность, становился прозрачным, невесомым. Сашка вдруг протянул руку, и рука легко прошла сквозь прозрачного человека, тут же, впрочем, исчезнувшего.

Сашка вскочил. Он был один в кухне. Слышался мужской голос из телевизора. Ваза стояла себе на верху шкафчика. Сашка бросился к ведру. Ни одного осколка. Сашка схватил часы, сел. Поднес к уху. Стучали они громко. Колупнул старую, в трещинах, краску на корпусе. И — повернул против часовой стрелки ключик.

Лишь только он повернул ключик, вошла мать.

— Реклама.

Она подошла к холодному чайнику на плите. Налила воды в стакан. За её спиной из уплотнившегося воздуха образовался лысоватый человек в стоптанных сандалиях на босу ногу.

Мать, запрокинув голову, пила воду, человек садился на табуретку. Сашка сидел, вцепившись в будильник.

— Чего изволите? — сказал человек. И мать обернулась.

Увидев внезапно постороннего человека, она убрала стакан за спину, на тумбу у плиты, и вытерла ладонью мокрые губы.

Человек встал и сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — изумлённо сказала мать.

— Это ко мне, — сказал Сашка. — Мы тут это... беседуем.

— Я вас не заметила, когда вошла.

— Меня часто не замечают, — печально сказал человек.

— Он... из соседнего подъезда.

— Очень приятно, — сказала мать, не сводя глаз с человека.

— Очень-очень приятно, — сказал человек.

— Ну, не буду вам мешать, — мать пристально взглянула на сына. — Когда освободишься, подойди ко мне.

— Хорошо.

И ещё раз взглянув на них, мать вышла. Она уменьшила звук телевизора, так что стало почти совсем тихо.

— Ну-с, — человек сел за стол.

— Вот что, — зашептал Сашка. — В прошлом году я сломал ногу и поэтому не пошёл на лыжах с ребятами. Они все ходили: и Петька, и Сережка, и Танька. Из-за того, что меня не было, Танька подружилась с Петькой, а раньше она дружила со мной. Мне

наплевать, конечно, но можно сделать так, чтобы я не ломал ноги и пошёл тогда с ними на лыжах?

Человек прикрыл глаза и зашевелил губами. Затем он открыл глаза и сказал:

— Если вычесть из прошлого ваш перелом, то очень многое изменится в настоящем.

Во всяком случае, Таньки в нём не будет вовсе.

— Как это?

— Вы будете жить в другом доме, учиться в другой школе, ваша мать выйдет замуж.

— Как это?

— «Как это, как это...» Да вот так это. Вы пойдёте на лыжах, ваша мать пойдёт к подруге, у неё познакомится с человеком, вскоре выйдет за него замуж, и вы переедете к нему жить... Квартирка у него, — человек оглядел их, в общем-то, бедную кухню. — Получше вашей будет. Он вас машину выучит водить.

— У него машина? А какая?

— Увидите, если захотите. Только эта перемена вашего прошлого станет последней.

— Почему?

— Потому что этих часов у вас уже не будет.

— А помнить я буду всё, что сейчас?

— Нет, конечно.

Сашка взял часы, как будто сильнее застучавшие в его руке. Посмотрел на печального человека.

— Да.

— Что «да»?

— Пусть. Пусть по-другому будет.

— Смотри-ка, — удивлённо сказал человек и указал Сашке на чёрное окно за его спиной. Сашка тут же оглянулся, но ничего особенного не увидел и повернулся вновь к человеку, но того уже не было в кухне.

Машина была шикарная, «БМВ». За рулём сидел мужчина, мать сидела возле него, а Сашка сидел за ними, развалившись во всё сиденье. Ход у машины был плавный.

Проезжали мимо стеклянного магазина. На крыльце у входа продавали мороженое.

— Мороженое, — сказал Сашка.

— Хочешь? — спросил мужчина и остановил машину.

Сашка отворил дверцу.

— Вам братъ?

— Шоколадное, — сказала мать.

— Шоколадное, — сказал мужчина, улыбнулся матери и сказал Сашке: — Деньги

возьми.

— Да у меня есть ещё.

И Сашка спокойно, ничуть не спеша, вышел из машины, захлопнул дверцу и направился к магазину. Когда он уже занёс ногу на ступеньку, из тени появился вдруг жалкий человек: небритый, грязный, загорелый до черноты, в запахнутом пиджаке на голое тело.

— Мальчик, — остановил он Сашку. И вынул из внутреннего кармана пиджака сердито стучащие часы с круглым белым циферблатом под выпуклым стеклом.

— Идут, — сказал человек.

— Ну и что? — сказал Сашка.

— Могу подарить за деньги.

— Да я б и задаром такие не взял, — сказал Сашка и поднялся к мороженому.

Человек с часами ушел в тень.

2004

Николай Заболоцкий

(1903 – 1958)

СВЕТЛЯКИ

Слова — как светляки с большими фонарями.

Пока рассеян ты и не всмотрелся в мрак,

Ничтожно и темно их девственное пламя

И неприметен их одушевленный прах.

Но ты взгляни на них весною в южном Сочи,

Где олеандры спят в торжественном цвету,

Где море светляков горит над бездной ночи

И волны в берег бьют, рыдая на лету.

Сливая целый мир в единственном дыханье,

Там из-под ног твоих земной уходит шар,

И уж не их огни твердят о мирозданье,

Но отдалённых гроз колеблется пожар.

Дыхание фанфар и бубнов незнакомых

Там медленно гудит и бродит в вышине.

Что жалкие слова? Подобье насекомых!

И всё же эта тварь была послушна мне.

1949